

КОНЕЦ ЦИВИЛИЗАЦИИ, ИЛИ КОНФЛИКТ ИСТОРИИ¹

©1999г. А. Неклесса²

"У этого истукана голова была из чистого золота, грудь его и руки его - из серебра, чрево и бедра его - медные, голени его железный, частью глиняныя. Ты видел его, доколе камень не оторвался от горы без содействия рук, ударил в истукана, в железныя и глиняныя ноги его и разбил их. Тогда все вместе раздробилось: железо, глина, медь, серебро и золото сделались как прах..."

(Даниил 2; 34-35)

ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР И ВЛАСТЬ ЛЮДЕЙ

I

Человечество обитает сейчас на *краю времени*, на тектоническом разломе истории. Рубеж третьего тысячелетия - конец великой эпохи, длившейся немалый срок, и горизонт иной, в сущности неведомой еще цивилизации. Диапазон оценок происходящего на планете весьма широк: от рутинной констатации окончания холодной войны и краха биполярного мира до амбициозного провозглашения конца истории.

Мне думается, мы присутствуем при заключительных аккордах и сценах эпохи Большого Модерна, охватывающей двухтысячелетний период человеческой истории, и одновременно воочию лицезреем проблески новой эры социального Постмодерна³.

Мир Нового времени стремительно уходит в прошлое. Обозначился системный кризис архитектоники общества, основанного на определенности национальных культур и устойчивости ценностно-рациональных форм

¹ Основой для данной статьи послужило выступление автора на круглом столе "Глобализация и демократизация" в Горбачев-фонде 1.07.1997 г. Сокращенная версия статьи публиковалась в журнале "Знамя" № 1, 1998 г. под заглавием "Конец цивилизации, или Зигзаг истории".

² НЕКЛЕССА Александр Иванович, заместитель директора Национального института развития РАН, руководитель проекта Российского фонда фундаментальных исследований "Глобальное сообщество: изменение социальной парадигмы" (№ 97-06-80372).

³ Подробнее о характеристике состояния современного мира как периода социального Постмодерна, то есть окончания Нового времени или, возможно, всей эпохи "Большого Модерна" см. R. Grawdini. *Ende der Neuzeit*. Leipzig, 1954; Documenti su il Nuovo Medoevo. Milano, 1973; J.-F. Lyotard. *La Condition Postmoderne*. P., 1979; idem. *The Postmodern Explained. Correspondence 1982-1985*. Minneapolis-L., 1993; H. Forster (ed). *The Antiaesthetic: Essays on Postmodern Culture*. Port Townsend, 1984; A. Heller, F. Feher. *The Postmodern Political Condition*. Cambridge, 1988; D. Harvey. *The Condition of Postmodernity. Inquiry into the Origins of Cultural Change*. Oxford, 1989; B.S. Turner (ed). *Theories of Modernity and Postmodernity*. Beverly Hills, 1990; S. Lash. *Sociology of Postmodernism*. L.-N.Y., 1990; M. Poster. *The Mode of Information: Poststructuralism and Social Context*. Cambridge, 1990; A. Giddens. *The Consequences of Modernity*. Stanford, 1990. idem. *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge, 1996; G. Vallino. *The End of Modernity*. Oxford, 1991; F. Jameson. *Post-Modernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham, 1991; A. Touraine. *Critique de la modernite*. P., 1992; Z. Bauman. *Intimations of Postmodernity*. L., 1992; B. Smart. *Modern Conditions, Postmodern Controversies*. L.-N.Y., 1992; idem. *Postmodernity*. L.-N.Y., 1996; S. Crook, J. Pakulski, M. Watters. *Post-modernisation. Change in Advanced Society*. L., 1993; A. Callinicos. *Against Postmodernism. A Marxist Critique*. Cambridge, 1994; Z. Bauman. *Intimations of Postmodernity*. L.-N.Y., 1994; D. Lyon. *Postmodernity*. Minneapolis, 1994; K. Kumar. *From Post-Industrial to Post-Modern Society. New Theories of the Contemporary World*. Oxford (UK)-Cambridge (Ma.), 1995; H. de Santis. *Beyond Progress. An Interpretive Odyssey to the Future*. Chicago-L., 1996; R. Inglehart. *Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies*. Princeton, 1997. См. также А. Неклесса. Проблема глобального развития и место Африки в Новом мире ("Мировая экономика и международные отношения". 1995, № 8); А. Неклесса. Крах истории или контуры Нового мира? ("Мировая экономика и международные отношения". 1995, № 12); А. Неклесса. Мир Модерна, мир Нового времени подходит к своему логическому концу ("Рубежи". 1997, № 5); А. Неклесса. Мир Постмодерна, мир игры ломает горизонт истории ("Рубежи". 1997, № 8-9).

мироустройства. Ветшают и рассыпаются его основополагающие институции: национально-государственная система международных отношений, международное право, базировавшееся на незыблемости национального суверенитета, классическая экономика, чей хозяйственный механизм, просуществовав не одно столетие, задвигается ныне в тень виртуальной неэкономикой финансовых технологий.

Кардинальные изменения претерпевают и сфера идеологии, и мировая культура... Под сомнением оказалась не только модель эволюционного обустройства мира - его *модернизация*, но, кажется, и сама концепция прогресса.

2

Положение, складывающееся на планете Земля, достаточно противоречиво. Глобальная трансформация пробуждает и стимулирует социальное творчество, идет интенсивный поиск новых общественных прописей и кодов власти. XX век уже был свидетелем взлета и падения мировых квазирелигий и даже частичного воплощения порожденных ими утопий. Теперь не менее драматично развивается форсированная реализация неолиберального проекта, являющегося, в определенном смысле наряду с коммунизмом и нацизмом третьей "светской религией" века сего. И мы лишь у истоков новой мировой конструкции...

Глобализация социального ландшафта, однако, не привела к его унификации. Утопичным в конечном итоге оказался не только всемирный коммунистический проект, но и эгалитарный образ "глобальной деревни"⁴.

Национальные границы, если и утрачивают былую актуальность, то, размываясь, исчезают отнюдь не универсальным образом и не в планетарном масштабе. Процесс носит "послойный", достаточно иерархичный характер. Иначе говоря, границы становятся прозрачнее для путешественников Севера, но более проблематичными для мигрантов Юга. Мировое гражданство, еще не родившись, оказалось ранжированным на классы.

Структура обновленной реальности - *глобального сообщества* - все теснее связывается с геоэкономическим размежеванием мира, формированием социально и культурно однородных "больших пространств". В результате на месте прежней национально-государственной схемы членения человеческого универсума прорисовывается иная (причем потенциально не менее жесткая) система "социальных регионов", социально-региональных рубежей⁵.

⁴ D. Bell. Notes on the Post-Industrial Society ("The Public Interest", 1967, № 6, 7); idem. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y., 1973; idem. The Social Framework of the Information Society. Oxford, 1980; idem. The Third Technological Revolution and Its Possible Socio-Economic Consequences ("Dissent", Spring 1989, №2); Z. Brzezinski. America in the Technotronic Age ("Encounter". Vol. XXX, № 1, January 1968, p. 16); idem. Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era. N.Y., 1970; F. Fukuyama. The End of History and the Last Man. N.Y., 1992; P. Hawken, J. Ogilvy, P. Schwarz. Seven Tomorrows. Seven Scenarios for the Eighties and Nineties. Toronto. 1982; H. Kahn. The Year 2000. N.Y. - L., 1967; idem. The Next 200 Years. A Scenario for America and the World. N.Y., 1976; idem. World Economic Development 1979 and Beyond. Boulder (Col), 1979; H. Kahn et A. Wiener. The Year 2000. A Framework for Speculation on the next 33 Years. L., 1967; idem. Forces for Change in the Final Third of the Twentieth Century. N.Y., 1970; idem et W. Brown, L. Martell. The Next 200 Years: A Scenario for America and the World. N.Y., 1971; idem et J. Simon. Global 2000: Revisited. Oxford, 1984; Y. Masuda. The Information Society as Post-Industrial Society. Wash., 1981; H. McLuhan. The Gutenberg Galaxy. Toronto, 1962; idem et al. City as Classroom. N.Y., 1977; J. Nesbitt. Megatrends: Ten New Directions Transforming Our Lives. N.Y., 1982; idem et P. Aburdene. Re-inventing the Corporation. Transforming Your Job and Your Company for the New Information Society. N.Y., 1985. idem et P. Aburdene. Megatrends 2000. The New Directions for the 1990's. N.Y., 1990; A. Toffler. Future Shock. N.Y., 1970; idem. The Eco-Spasm. Toronto, 1975; idem. The Third Wave. N.Y., 1980; idem. Powershift. Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century. N.Y., 1990.

⁵ Подробнее о геоэкономической системе координат современного мира см. А. Неклесса. "Российский проект" в мировой системе координат XXI века ("Проблемы развития". 1998, № 1-2); Постсовременный мир в новой системе координат ("Восток", 1997, № 2); Эпилог истории ("Восток", 1998, № 5); см. дискуссию вокруг предыдущей статьи с участием Э. Алаева, В. Белокрыницкого, А.

Распространение доминирующей цивилизации определило наступление момента истины для культур и регионов, оказавшихся на историческом распутье и вынужденных либо подчиниться господствующей тенденции (найдя в ее русле место под солнцем) либо попытаться предложить собственный оригинальный ответ на вызов времени и обстоятельств. Предпочтение, отдаваемое активной или пассивной стратегии, во многом предопределило появление феномена *тихоокеанской революции* у одной группы государств и сумятицу *потерянного десятилетия* для ряда других членов мирового сообщества⁶.

Глобализация, как видим, не ведет автоматически к развитию планетарной демократии. Действительно, в пределах национальных государств модернизация содействовала становлению равноправия и развитию гражданского общества. Однако на просторах мировой политики дела обстоят уже несколько иным образом.

3

Современная глобальная архитектура организована по другим, нежели демократия, меркам. Так и остался манящим миражом, не сформировавшись ни как политическая реальность, ни как перспективный проект, образ универсального парламента людей, наделенных равным правом голоса. Напротив, на деле, скорее, происходит определенное умаление, падение авторитета широких политических форумов при параллельном усилении влияния более узких, элитарных сообществ.

Снижается в настоящее время вес ООН, ряд прерогатив которой фактически переходит к совещаниям "большой семерки". А на европейском континенте представительная в региональном масштабе и придерживающаяся принципа равноправного членства ОБСЕ явно оттесняется от реальной политики гораздо более замкнутыми структурами НАТО, выстраивающими собственную композицию отношений с окружающим миром.

Происходит перераспределение властных полномочий от политических образований к экономическим центрам силы (наподобие МВФ или Мирового банка). Тут коррозия демократических институтов проявляется уже гораздо отчетливее. *Демократия как власть людей* уступает место новой форме правления в экономическом мире: *неодемократии как власти денег*, манифестацией которой является привычный в рамках подобных организаций принцип принятия решений: один доллар - один голос. Однако эта "малость", если вдуматься, содержит в себе глубочайший смысл, являясь, по сути, зачатком новой политической парадигмы.

На ее основе в мире под прикрытием демократической фразеологии (своего рода вынужденной дани порока добродетели) прочерчивается контур международного олигархического режима, предпочитающего действовать преимущественно с позиции силы, но используя адекватные времени средства. Родимые пятна подобного миропорядка зримо проявляются в североцентричной архитектуре социального космоса и иерархичности его многоярусной конструкции, в очевидном различии возможностей Севера и Юга защищать собственное видение реальности, свое понимание сути стоящих перед ними проблем...

Речь тут идет именно о неравноправии *влияния* на общественную перспективу и принимаемые международным сообществом решения, а не о социально-экономическом *состоянии* его членов, то есть об органичной недемократичности глобального универсума, его, если так можно выразиться, сословности.

Воскресенского, Б. Ерасова, Л. Казаряна, В. Красильщикова, В. Кузнецова, В. Максименко, А. Панарина, В. Хороса, Г. Чуфрина, Г. Широкова, Ю. Шишкова ("Восток", 1998, № 1-2). См. также многочисленные публикации российского исследователя проблем геоэкономики Э. Кочетова.

⁶ О стратегии структурной перестройки мирового хозяйства и судьбах Третьего мира на пороге XXI в. точку зрения автора см. А. Неклесса. Проблема глобального развития и место Африки в Новом мире ("Мировая экономика и международные отношения". 1995, № 8); Африканская перестройка ("Азия и Африка сегодня". 1997, № 6); Генезис и практика программ структурной перестройки ("Рубежи", 1997, № 7).

Ярким, хотя и частным, подтверждением подобного положения вещей является тщетность и ничтожность результатов вроде бы многочисленных усилий по установлению нового экологического порядка. Несмотря на обилие представительных форумов и принимаемых громких деклараций, Юг просто не в состоянии утвердить как действующую норму такой тип международно-правовых отношений, который обеспечивал бы ему справедливую долю горной и биосферной ренты.

Ранее уже потерпели стратегическую неудачу, оставшись на уровне общих фраз, широко обсуждавшиеся схемы коррекции международного экономического порядка (включая такие его специфические реалии, как пресловутые "ножницы цен"), имевшие целью обеспечить более справедливое распределение мирового дохода.

Более того, обозначившиеся пределы роста индустриальной цивилизации, нежелательная вероятность постепенного снижения привычных социальных стандартов существенно и порой весьма красноречиво меняют направление поиска ответа на поставленный историей вопрос о горизонтах общества Модерна, о его способности сохранять свои высокие принципы и идеалы.

Реакция данного общества на возникшую угрозу (от алармизма до эскапизма) болезненна, негативна и, пожалуй, неадекватна поверхностно прочитанной ситуации. Дело тут, по-видимому, не только в обостренной реакции изнеженного организма на внезапную опасность дискомфорта. Нет, здесь чудятся некие метафизические глубины вырвавшегося на поверхность страха. Словно бы оказался задетым глубинный нерв, подверглась испытанию сокровенная вера.

Так оно, впрочем, и есть. Связано это с присущей менталитету людей Нового времени органичной верой в роль экономического процветания как гаранта человеческой свободы. Границы мирского благополучия оказались подспудно отождествлены с мерой этой свободы. А развитие личности, ее статус - напрямую соотнесены с экономическим успехом. Поэтому-то угроза достигнутым стандартам процветания воспринимается как покушение на отвоеванное пространство, как размывание континента свободы окружающими его темными водами архаики.

Ergo: опасность краха основополагающих ценностей существует, и она должна быть предотвращена *любой* ценой. С этого момента либерализм начинает претерпевать знаменательные метаморфозы, все отчетливее демонстрируя нравственную глухоту. Распечатывая свои консервативные и радикальные потенции, он шаг за шагом также утрачивает и, казалось бы, органично присущую ему толерантность.

Ирония истории заключается в том, что граница, жестко отделявшая в прошлом западное общество от мира иных культур, оказалась размытой именно в результате глобального успеха процессов секуляризации и модернизации⁷. В

⁷ Нынешний этап модернизации как бы повторяет в сжатом виде структурные черты европейской истории последнего тысячелетия, но уже в глобальном масштабе. Исторические вехи второго миллениума - распад государственной системы предшествовавшего периода и своеобразная "приватизация власти" (что нашло свое отражение в феномене кастелянства); аграрная революция, сопровождавшаяся демографическим взрывом (в современном мире ее аналогом, кажется, служит знаменитая "зеленая революция"). Затем последовали эпоха географических открытий, а также связанная с ней торговая экспансия и колонизация; мутация привычных форм экономической практики и возникновение достаточно сложных схем денежно-финансового обращения; наконец, - социальная и промышленная революции, по-своему завершившие второй тысячелетний круг истории современного мира. Становление европейского Модерна происходило в контексте обширного внешнего пространства, принимавшего волна за волной его экспансию, его избыточное население (неизбежное следствие сельскохозяйственного и промышленного развития) и одновременно поставлявшего материальные ресурсы для "котла прогресса". Однако исторический успех модернизации предопределил практическое исчерпание этого "внешнего пространства", а демографическая экспансия обрушивается сейчас из периферийных зон на "историческую родину"

образовавшихся прорехах забрезжил образ то ли всемирного единения, то ли новой деспотии. Социальный горизонт распахнулся, и Мир Модерна вдруг ощутил себя островом, погружающимся в бескрайний, неведомый океан.

5

Необходимость поддержания определенного стиля жизни, промышленной экспансии и массового характера производства лишь обостряет принципиальную аморальность *умножения искусственных потребностей* (в особенности престижного толка) у одной части человечества при невозможности удовлетворить *минимальные естественные* - у другой. В доказательство резонности данного тезиса я просто сошлюсь на материалы двух недавних глобальных саммитов: Социального и Продовольственного, состоявшихся в Копенгагене и Риме в 1995 и 1996 гг.

К началу 90-х годов доля мирового дохода, получаемая беднейшими слоями населения, сократилась до 1.4%. Соотношение же уровней доходов богатых и бедных увеличилось с 13 : 1 в 1960 г. до 60 : 1 в текущем десятилетии. Пятая часть населения земного шара использует 85% планетарных благ и ресурсов, в то время как 1.3 млрд. человек живут в условиях абсолютной нищеты. По подсчетам Мирового банка, при сохранении существующих тенденций число бедных на планете может возрасти до конца столетия еще на 200 млн. Более 120 млн. людей в мире - безработные, около 700 млн. - частично занятые, 1 млрд. неграмотны. Почти каждый третий житель Земли все еще не пользуется электричеством. Примерно 1.5 млрд. не имеют доступа к безопасным источникам питьевой воды. 2 млрд. прозябают в антисанитарных условиях, 840 млн., в том числе 200 млн. детей, голодают или страдают от недоедания. В бедных странах ежегодно умирают 14 млн. детей от излечимых болезней и 500 тыс. женщин от родов. Детская смертность в странах Юга в 50% случаев вызвана недостаточным питанием. От хронического недоедания страдают 43% населения Африки к югу от Сахары. Средняя продолжительность жизни африканца редко превышает 50 лет. Число политических эмигрантов и жертв межэтнических конфликтов увеличилось с 8 млн. в конце 70-х годов до 23 млн. человек к середине 90-х. Еще 26 млн. человек являются временными переселенцами. И число их продолжает расти.

Конечно, одиозность и нетерпимость положения, когда примерно 1/6 часть человечества, живущая в условиях "позолоченного века", сосуществует с абсолютно обездоленным "голодным миллиардом", не остаются без внимания и оценки. Информационная революция, соединив разноликие пространства в образ единого мира, одновременно сделала очевидным фактом (и в каком-то смысле частью нашей повседневности) резкое различие социальных стандартов на планете.

Несомненно также, что простых решений здесь быть не может. Однако именно неспособность общества реализовать (и даже внятно сформулировать) какую-либо более действенную и справедливую конфигурацию "обустройства

цивилизации Модерна, трансформируя прежнюю мировую картину в постмодернистскую эклектику. Возможно, однако, что именно препоны, воздвигнутые на пути нового переселения народов, одностороннее открытие границ более для товаров, чем для людей (то есть поддержание национально-государственной и неорегиональной *сословности*) явились одним из факторов, затормозивших наступление последней прогнозируемой фазы "внутреннего кода" Модерна: *глобальной промышленной революции*. Наоборот, искусственное пролонгирование неравновесной ситуации (социально-экономического неравенства в планетарном масштабе), кажется, дало возможность развиваться и укрепить устойчивой североцентричной модели мирового разделения труда и перераспределения ресурсов. В рамках глобальной экономики получили критическое преимущество скорее оптимизационные хозяйственные схемы, а также масштабные торгово-финансовые комбинации, нежели процесс радикального преобразования и обновления производственных механизмов, предоставившие таким образом современному обществу возможность взимать своеобразную ренту с социально-экономической неоднородности мира. В результате всех этих процессов перед человечеством открылись неведомые ранее социальные горизонты, и был, по-видимому, заложен фундамент новой исторической эпохи...

планеты" лишний раз подтверждает глубинный характер кризиса. И, в частности, нарастающее несоответствие сложившегося положения планам и проектам глобального демократического сообщества.

Вспомним, что в развивающихся странах проживает в настоящее время приблизительно 4/5 населения Земли и на их же долю приходится 94% его нынешнего прироста. В этих условиях перспектива универсальной реализации прав человека (равно как и прав народов) сталкивается с жесткой реальностью национального эгоизма, становясь, по меньшей мере, проблематичной. Проявляющаяся двойственность стандартов (наподобие той же двусмысленности миграционных процедур) не может, в свою очередь, не сказаться на внутренней целостности здания современной демократии, подрывая веру в ее основополагающие принципы, рождая законные сомнения в том, что объятия Свободы открыты всем без исключения.

6

Что же в таком случае происходит на планете, и куда ведет обозначившийся ход событий? Развеивающийся дым глобальной иллюзии вселенского единства и верховенства разума (столь характерной для оптимизма конца восьмидесятых) в 90-е годы, кажется, обнажает весьма неприглядную действительность. Возрожденско-просвещенская версия гуманизма оставалась цветущим деревом, пока развивалась в определенном контексте. Но только сейчас, на пороге предельно секулярного, постхристианского мира ее дальние горизонты обнаруживают себя парадоксальнейшим образом: светский гуманизм начинает проявляться как антигуманное мировоззрение.

В пользу подобной точки зрения свидетельствует постепенная деградация столь же популярной, сколь и неопределенной концепции *устойчивого развития*. Интеллектуальная упрощенность и духовное убожество нынешнего состояния одного из основных постулатов актуальной мировой идеологии наглядно проявились в характерных метаморфозах, переживаемых ныне данной концепцией.

Ее содержание на практике свелось, с одной стороны, к общим экологическим декларациям, с другой - к утилитарному пакету слабо завуалированных предложений о стабилизации положения посредством "коррекции" численности населения планеты. Коррекции, проводимой с целью сохранить привычный уровень комфорта, *соответствующий современным стандартам и достоинству человека* (см., например, материалы Каирской конференции по народонаселению осени 1994 г.).

Меры эти, между тем, начинают все больше походить на планы универсального геноцида бедняков, лишних людей (и нерожденных) как своеобразного *окончательного решения* демографического вопроса. Лично же мне подобная коллизия подозрительно напоминает сюжет одной английской баллады о добродетельном и рачительном епископе, пригласившем на пир нищих и калек, да и очистившем от "нахлебников" и изгоев землю, сжегши их.

7

Итак, унификации мира не произошло. И все-таки на планете явно формируется некий самостоятельный транснациональный космос. Трансформация жизни ведет к становлению принципиально новой социальной среды, закладывая основы весьма *либерального*, но - сколь странным это ни покажется на первый взгляд - все же не вполне *демократического* сообщества. Глобализация и специфическое дерегулирование социального пространства заметно снижают возможности национальных государств (то есть в идеале общенародно избранных правительств) действительно влиять на те или иные тенденции и явления, особенно в сфере неправительственных транснациональных институтов. Происходит как бы плавная "приватизация социума".

Фактическими субъектами новой структуры международных связей наряду с традиционными членами - национальными государствами, становятся "государства виртуальные": разнообразные, достаточно автономные от национального контроля межгосударственные организмы и международные неправительственные организации, ТНК, банковско-финансовые сети и т.п. (Параллельно складываются гибкие трансрегиональные проекты криминальных и околокриминальных консорциумов, а также иные эклектичные объединения невнятного генезиса.) В общем и целом феномен этот никак нельзя считать однозначным.

Казалось бы, возможности и права граждан, освобожденные в конце концов от разнообразных форм "опеки" и контроля государства, заметно возрастают. Однако, если вдуматься, процесс этот в чем-то прямо противоположен движению к глобальному открытому обществу, стремлению обеспечить повсеместную прозрачность социальных институтов. Так, реальная, а не декларативная власть, будучи выведена за пределы публичной политики, зачастую оказывается обезличенной (а то и просто анонимной) и, следовательно, неподконтрольной гражданам.

В качестве действенных центров силы все чаще выступают разнообразные неформальные (порой весьма нетривиальные) конфигурации частного капитала, слабо поддающиеся общественному контролю и формирующие на планете собственный "экономический Интернет". Экономика становится не просто способом хозяйствования, но и политикой, и даже идеологией нового мира, его новой властной системой координат. Реально складывающийся мировой порядок все более проявляет себя как **Pax Economicana**.

Меняется содержание современных силовых игр, нацеленных уже не на территориальные приобретения и даже не на завоевание хозяйственного потенциала соперника, но на устойчивое изменение социально-политической и экономической конфигурации мира, утверждение в нем такого типа разделения труда, который обеспечивал бы доступ к определенным преимуществам и видам деятельности. Или отказ в таковом.

Мировые центры силы, включая транснациональные структуры, создают новое поколение рычагов воздействия, позволяющих планомерно и эффективно влиять на обстоятельства, складывающиеся внутри той или иной страны, либо группы стран. Случается, что и вопреки воле местного населения.

8

Механизм глобальной экономики мог быть реализован лишь с появлением определенной технологической базы, прежде всего - революции в сфере информатики и коммуникаций. Информационные технологии между тем превратились в самостоятельную, динамично развивающуюся отрасль, особенно в области финансов, но и не только там.

Резко увеличивается потенциал влияния традиционных и тем более качественно обновленных СМИ, формирующих собственный субъективный мир, виртуальная реальность которого шире и старше собственно компьютерных технологий. Этот влиятельный посредник - *медиакосмос* - вклинивается между микро- и макрокосмом, между индивидом и действительностью, присваивая себе исключительное право "первой ночи" на интерпретацию событий и на... *само событие*.

Обширный континент коммуникаций в значительной мере автономен от мира реального и в то же время как бы параллелен ему. Аналогичным образом плоды познания, добытые человечеством, и "информационная реальность" (нередко представляющая мифологизированный слепок общества) отнюдь не тождественные понятия, и нам, наверное, сейчас даже трудно вообразить, насколько далеко они могут быть разведены.

Призрачные поля этой подвижной реальности привлекают и завлекают. С открытием виртуального континента словно какой-то духовный морок поразил и интеллектуальную элиту и множество представителей других слоев населения, с задором конкистадоров пытающихся освоить необычные, зыбкие земли, утвердить на их поистине бескрайних просторах свой приоритет и присутствие.

Глобализация информационного пространства, его выход за пределы государственного и общественного контроля резко усиливают намечавшиеся и ранее тенденции, демонстрируя неведомые прежде возможности прямого общения и открытой манифестации индивидом разнообразных взглядов и устремлений. Но в том же феномене скрыт потенциал интенсивного массового воздействия на мысли и эмоции населения планеты, целенаправленного распространения стереотипов поведения, утверждения социальных норм.

Возможности эти обращают информационное поле то в глобальный форум, то в лабиринт контактов и развлечений, в источник знаний или страну грез, многократно мультиплицированную и профанированную "землю обетованную"... Они таят в себе системный, кумулятивный эффект, доступный экономически состоятельным источникам влияния.

Новый уровень возможностей СМИ стимулируется также наметившимся синтезом шоу-бизнеса, технологий рекламы и публичной политики...

Глобализация и демократизация, повторюсь, отнюдь не две стороны одного процесса, как полагают многие. Глобализация и сопутствующая ей модернизация, действительно устраняя одни препоны демократии, одновременно порождают другие, во многом неопознанные еще угрозы.

9

И все-таки какова судьба демократии в этом мире? Ведь век XX (как упоминалось выше) был веком крушения разнообразных тоталитарных режимов, прямо отвергавших саму идею равного доступа людей к власти. Новое время, кажется, было уникальным периодом последовательного восхождения индивида к свободе, гражданскому обществу, открытому для реализации личности. Само понятие *нового времени* не в последнюю очередь связано с новой концепцией самого времени (*осевое время*) как исторического феномена, являющегося манифестацией этой свободы, ее зримым выражением (столь радикально отличным от концепции *замкнутого времени*, неперменного атрибута традиционного общества).

Торжество Нового времени, всемирная экспансия модернизации, а соответственно и связанных с ней институтов: национального государства, частной собственности и демократии сопровождалась подавлением осколков традиционного общества с его сословными и авторитарными структурами.

Впрочем, сама демократия проделала значительный путь от "условной демократии" рабовладельческих античных полисов, пройдя уже в "наше время" через тернии американской демократии конца XVIII в. (утверждавшей параллельно с геноцидом коренного населения), демократии первой половины XIX в. (сосуществовавшей с институтом рабства чернокожего человека), да и сквозь огонь и воду демократии века XX, обладающей собственным набором неприглядных черт... Демократия - это тонкий баланс между индивидом и обществом, гармоничный союз между свободой и ответственностью.

Но вот на пороге века XXI миру наконец-то показалось, что баланс найден, препоны уничтожены, гармония установлена и Мирской Град обрел прочный фундамент. Раздалось заветное: "Остановись, мгновенье. Ты прекрасно!" Был провозглашен конец истории. И тут мир, как пресловутый колосс... рухнул.

10

В 90-е годы различные интеллектуальные и духовные лидеры, влиятельные общественные фигуры от Збигнева Бжезинского до Сэмюэля Хантингтона, от папы

Иоанна Павла II до современного "алхимика" Джорджа Сороса заговорили о наступлении периода глобальной смуты, о грядущем столкновении цивилизаций, о движении мира к новому тоталитаризму или неосредневековью, о реальной угрозе демократии со стороны неограниченного в своем "беспределе" либерализма и рыночной стихии...⁸

Идет глубокая переоценка ситуации, складывающейся на планете, пересмотр актуальных по сей день концептов и предлагавшихся ранее прогнозов, их ревизия в русле неклассических, радикальных, эсхатологических, фундаменталистских и принципиально новых мировоззренческих позиций. Рассматриваются сценарии контр наступления мобилизационных проектов, господства постхристианских и восточных цивилизационных моделей, вероятность глобального финансово-экономического краха с последующим кардинальным изменением основ современного миропорядка, изучаются перспективы грядущей универсальной децентрализации либо геоэкономической реструктуризации мирового сообщества.

Зримо проявилась вероятность глобальной альтернативы цивилизационному процессу - выхода на поверхность и легитимации "мирового андеграунда", возможность распечатывания запретных кодов мира антиистории, освобождения социального хаоса, последовательной деградации человека и неоархаизации общества.

Свобода - трудный дар, ее удержание скорее есть мера развития личности, чем проблема индивидуальных прав. Гражданское общество, отделенное от общества духовного, склонно к апостасии и торжеству своеволия как меры освобождения страстей. Творческий талант, естественно сопутствующий свободе, способен вложить в руки страстных натур могучие, изощренные инструменты, служащие в конечном итоге еще большему закабалению индивида.

Таким образом, достигнув пика бытия, человечество обнаружило *по ту его сторону* крутой скат и внизу - контуры нового, странного Мира Постмодерна, ломающего горизонт истории. Волна социальной энтропии, распространяющаяся по планете, растворяет привычный контекст. Вектор истории не застыл, но расщепился. Общая история, понимаемая как совместная судьба и устремленность людей, уходит в песок разбитого на мириады осколков лика времени. На месте же расколотого образа возникает безликий, но яркий коллаж культур и изощренный лабиринт индивидуальных проектов.

В новой социальной среде водоворот анонимной власти постепенно устраняет "конструктивизм" общественных институтов. Уводя человека в мир игры и иллюзии, он все более умаляет *реальные* потенции контроля над *действительными* событиями, сужает саму возможность их распознавания. Одновременно эта драматичная вселенная воля и душ людей предоставляет неведомую ранее свободу самореализации человека, создавая для него персональную ситуацию момента истины и ультимативного выбора. Выбора между вероятностью антропологической катастрофы в постсоциальном мире и попыткой восстановления своей серьезно уязвленной природы.

Продолжение следует

⁸ См. I. Wallerstein. Capitalist Civilization. Binghampton, 1992; Z. Brzezinsky. Out of Control: Global Turmoil on the Eve of the 21 century. N.Y., 1993; P. Kennedy. Preparing for the Twenty-First Century. N.Y., 1993; S. Huntington. The Clash of Civilizations ("Foreign Affairs", № 72, Summer 1993); idem. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y., 1996. В XI энциклике папы Римского Иоанна Павла II "Евангелие жизни" (март 1995 г.) современная западная цивилизация подверглась интенсивной и суровой критике как колыбель специфической "культуры смерти". Эти государства, заявляет, в частности, Иоанн Павел II, "изменили своим демократическим принципам и движутся к тоталитаризму, а демократия стала всего лишь мифом и прикрытием безнравственности". См. также Дж. Сорос. Свобода и ее границы ["Московские новости", 1997, № 8 (вариант статьи, опубликованной месяцем раньше в январском номере американского журнала "Atlantic Monthly")].

